

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

**ЧЕГО ХОЧЕТ
ТУРИСТ? 2**

Сергей Граник

Рассуждение о туристических возможностях Дрогичинского района: туристической аудитории, объектах для показа и отдыха, инфраструктуре

**ТАЙНЫ СТАРОЙ
КРЕПОСТИ 4**

Сергей Граник

История крепости Жабер XVII - XVIII вв., находившейся на севере современного Дрогичинского района

ПЕРЕЖИТОЕ... 6

Воспоминания
жительницы Антополя
Нины Нестерук

Наталия Федосюк

Нина Нестерук вспоминает военные годы, о связи с партизанами, об отношении к немцам и полицаям, которые находились в окрестностях Антополя, а также о первых послевоенных годах

**В ОККУПИРОВАННОМ
ДРОГИЧИНЕ 8**

Сергей Граник

Большой материал о подпольщиках г. Дрогичина, сражавшихся с немецко-фашистскими оккупантами

**ЧЕРЕЗ ГОДЫ
ЧЕРЕЗ
ИСПЫТАНИЯ... 10**

Олег Яскович

Воспоминания Марии Корниченко о своем детстве при Польше, оккупации во время войны, тяжелых послевоенных годах и о своем муже-фронтовике Григории

**БЕЗДЕЖСКАЯ
ХРОНИКА 12**

События прошлого
глазами Николая
Волковича

Сергей Граник

Рассказ о тяжелом польском детстве Коли Волковича, о певой советской власти, о страшном периоде оккупации, партизанской молодости, о послевоенных годах и устройстве личной жизни

**КОМАНДОР
ПЕТРОВСКИЙ 14**

Сергей Граник

Материал об уроженце д. Гута Дрогичинского района генерале Войска Польского Венцеславе Петровском

Историко-краеведческий журнал
Дрогичинского района

№№ 31-32
январь 2014
МУЗЕЙ
ВАЕННА-ГІСТАРЫЧНЫ ІНЯ ДЗ.К. УДОВІКАВА

Наш край-
Загородье

ЧЕГО ХОЧЕТ ТУРИСТ?

В настоящее время развитию въездного и внутреннего туризма наше государство уделяет большое внимание. Это предполагает создание рабочих мест и хорошо организованной и продуманной индустрии туристической деятельности.

|| Что может показать наш Дрогичинский район гостям? ||

Отвечая на этот вопрос, в первую очередь, нам нужно знать чего хочет турист, кто и откуда он, а также каковы его финансовые возможности?

Размышляя над этими вопросами, приходишь к выводу, что в нашем районе кроме музея народного творчества «Бездежский фартушок», Военно-исторического музея им. Удовикова, памятного знака знаменитой «Дуги Струве» и нескольких исторических объектов, находящихся в плачевном состоянии, показать нечего. Однако!

Что в своём арсенале имеет Дрогичинский район? На нашей территории находится три республиканских заказника: ландшафтные – «Званец», «Радостовский» и биологический – «Споровский». А этого достаточно для развития агротуризма. Лично я хотел побы-

вать в биологическом заказнике, и побывал вместе со школьниками из Антополя. Два дня, проведённые на р. Ясельда, запомнятся надолго. Это, в первую очередь, природа поймы реки и ночёвка под открытым небом среди туч комаров, но места действительно интересные, да и для туристов оборудованы наблюдательные вышки и мостики в болоте. Так что тот, кто хочет экзотики, её получит.

Центр ландшафтных заказников находится в д. Горавица. Там размещается управление этими объектами. Есть комната со стендами, рассказывающими об этих уникальных уголках природы Белорусского Полесья, место для проживания нескольких туристов. Недалеко шлюз на Белоозёрском канале и само озеро Белое. Это также красивые места. Не нужно забывать,

что в этих местах в годы войны находился партизанский аэродром, редакция подпольной областной газеты «Заря над Бугом» и штаб Южной зоны отрядов Брестского соединения. Поэтому здесь так не хватает чего-то партизанского и военного.

А где музей природы, дендрарий, вольеры с дикими животными, птицами и сувениры? Нет и проложенных маршрутов по территории самих объектов природы, как и нет рекламы по привлечению туристов. Проехав по дороге от Кобрина до Пинска, я не встретил ни одного рекламного щита. Правда, недавно на автовокзале Дрогичина появились два стенда. Возникает вопрос: «Для кого?». Разве те граждане, что пользуются услугами общественного транспорта, поедут в заказники, чтобы познакомиться с природой нашего края? Скорее всего, нет. Реклама должна быть в турфирмах, на предприятиях, в учебных учреждениях, гостиницах и санаториях и других местах, где бывают иностранные граждане.

Интересно всё-таки знать, какими тиражами, и на каких языках

выпускаются у нас рекламные туристические буклеты? А где наша «реклама-визитка» в гостиницах, музеях и турфирмах Бреста, Минска и других городов?

Несколько лет назад мне удалось побывать в Киеве. Меня поразило обилие бесплатных визиток туристических объектов, расположенных по всей Украине, в гостиницах, музеях и даже на заправках и в ресторанах. Бери, читай и, если заинтересовало, посещай. А этот вид рекламы рассчитан на самого массового – семейного туриста. Для иностранных граждан, конечно, должна быть информация на английском, немецком или других языках. На рекламу денег жалеть не нужно. Главное с ней умело работать.

Что мы можем показать туристам, приехавшим в наш район? Конечно же, места связанные с жизнью великого классика польской литературы Элизы Ожешко. В Закозеле есть каплица-усыпальница знаменитого на Полесье рода Ожешко и сохранившиеся до нашего времени элементы усадьбы: конюшня, выполненная в английском стиле, усадебный дом, «бровар» и фрагмент старого парка. Можно реконструировать всё что угодно, касающееся периода восстания 1863 – 1864 гг. и даже капличку с надписью на польском языке «Никодиму Ожешко и всем полеглим в лесах», которая стояла рядом с усыпальницей.

Немало интересного можно увидеть и непосредственно в Людвиновской усадьбе. Там сохранилась кухня. Правда, после урагана в марте 2013 г. она осталась без крыши. Постройку можно восстановить или хотя бы законсервировать для будущих поколений. Там реально создание музея Элизы Ожешко и тех, кто участвовал в национально-освободительном восстании 1863 – 1864 гг. Ведь в подвале кухни несколько месяцев мятежного генерала Ромуальда Траугутта. Оттуда она в 1863 г. вывезла его в Варшаву.

Водороздел Днепро-Бугской водной системы в д. Селище

Для того, чтобы там появился музей, нужна воля руководителей. Это, несомненно, привлечёт в район иностранных туристов, учитывая заслуги Элизы Ожешко. Я думаю, польская сторона согласится частично взять на себя расходы по созданию музейного комплекса. Будет хорошо, если в Дрогичине появится памятник и улица Элизы Ожешко. Считаю, что она достойна этого.

Вторым, не менее интересным с точки зрения исторического прошлого местом является, Тороканский Базилианский монастырь, расположенный в д. Именин. Там, до сих пор сохранились несколько строений и парк. Только вот их нужно приводить в надлежащий вид. Необходимо провести археологические раскопки, а подземелья монастыря вычистить от мусора. После этого всю территорию объявить историко-культурным наследием. В сохранившемся здании монастырской кухни создать музей истории Базилианского ордена. Восстановить нужно и мемориальную колонну в Именинах, которая была снесена при расширении дороги.

Здесь же, в деревне, целесообразно поставить памятник нашему земляку, основателю Брестской Унии 1596 г. патриаршему экзарху Кириллу Терлецкому. Он ведь родился в имении Перковичи, и там предан земле его прах. Ждёт энтузиастов и любителей природы и сохранившийся в Именинах старый монастырский парк. Его также нужно приводить в порядок.

Привлекательным местом для туристов должен быть и замок, принадлежавший князьям Вишневецким, который был разрушен шведами в 1706 г. На замчище раскопки не проводились. Поэтому, какую-то часть этого объекта нужно раскопать и показать туристам. Возможно, со временем придётся реконструировать хотя бы один из бастионов. Думаю, что этот объект вполне может войти в туристическую зону «Бездеж».

Много интересного можно увидеть и в д. Белин. Там, в начале XIX в. работала суконная мануфактура, принадлежавшая роду Ожешко. Сейчас здание бывшего цеха мануфактуры осталось без крыши и требует хотя бы консервации. В этой деревне есть точка «Дуги Струве» и отметка места размещения обсерватории экспедиции по измерению дуги меридиана. Недавно в местной школе был открыт музей «Дуги Струве», а это уже объект показа.

Большой интерес для туристов вызывает и Днепро-Бугская водная система. Это, в первую очередь, деревянный Ляховичский гидроузел и водораздел в д. Селище. Познавательной могла бы быть ло-

дочная прогулка по Жировскому, Зубровскому или Белоозёрскому каналам. Туристов на этом экологическом маршруте может привлечь природа и рыбалка. Здесь явно не хватает партизанского лагеря, домиков рыбака и охотника, а также пасечника.

Тем, кто охраняет историко-культурное наследие, нужно обратить внимание на Антополь. В этом местечке хорошо сохранились элементы типичной еврейской застройки конца XIX в. Просто нужно внести квартал застройки в перечень объектов историко-культурного наследия. Вообще-то Антополь – это хорошо сохранившаяся часть истории белорусов и евреев.

Что касается создания туристической зоны «Бездеж», то идея в целом хорошая. Уже существует музей Народного творчества «Бездежский фартушок» и крестьянское подворье «Каля Плэса». В плане культовых сооружений, здесь есть церковь, костёл и памятная колонна, имеющая большую историческую ценность. Недалеко от деревни расположен один из пунктов «Дуги Струве», занесённый в список мирового историко-культурного наследия. Возможна реконструкция деревянного геодезического маяка и ветряной мельницы, которые также будут весьма интересны.

Что, по моему скромному мнению, заинтересует туриста в самом Дрогичине? Я думаю в первую очередь Военно-исторический музей им. Удовикова и культовые сооружения, а так же квартал старой местечковой застройки. Интересными для гостей будут и места, связанные с жизнью и деятельностью национального героя Болгарии Тодора Минкова. А это его могила и место в д. Сиреневка (бывшая колония Равины), где находилась усадьба.

Мне кажется, что в Дрогичине не хватает улицы, носящей имя этого выдающегося Болгарского и Российского педагога второй половины XIX и начала XX века. Сотрудниками нашего музея разработан пеший и автобусный маршруты. По Дрогичину объектами показа служат культовые сооружения, квартал еврейской застройки, мемориал погибшим в годы ВОВ партизанам и воинам Красной Армии, а также места, связанные с событиями исторического прошлого.

Туристам, желающим порыбачить, свои услуги предлагает рыбхоз «Днепро-Бугский». Он, несомненно, должен быть включён в один из туристических маршрутов. Ловить рыбу нравится многим. По-настоящему это увлечение и услуги рыбхоза нужно рекламировать и даже проводить соревнования рыбаков.

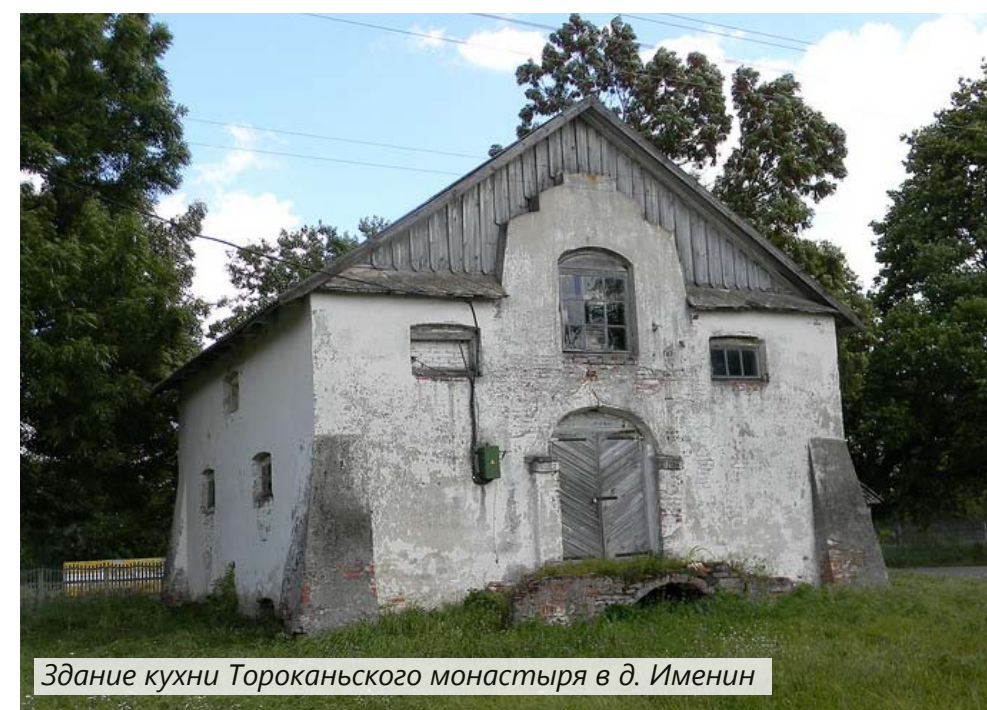
Конечно же, большое значение

Бровар сер. XIX в. в д. Закозель

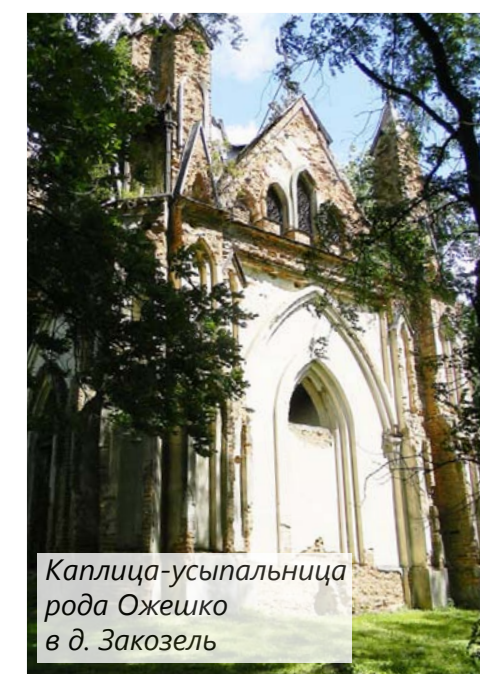
Пункт Дуги Струве в д. Бездеж

Здание кухни Тороканского монастыря в д. Именин

для туристов имеют места отдыха, питания и приобретения сувениров. А этого, к сожалению, у нас пока нет. Может быть, найдётся со временем инвестор, который в д. Брашевичи отремонтирует уже существующую гостиницу, а также наладит на имеющейся пустующей промбазе выпуск сувенирной продукции. Но, к сожалению, это лишь мечты. Туристу нужно привлечь, а для этого знать: «Чего хочет турист?».

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник
Фото Ивана Леончика**

Каплица-усыпальница
рода Ожешко
в д. Закозель

Крепость Жабер в кон. XVII в.
Изображение из книги
князя Михала Огинского

ТАЙНЫ СТАРОЙ КРЕПОСТИ

Вот короткая история этого замка и событий с ним связанных.

Построили замок князя Вишневецкие в начале XVII в. Это было мощное укрепление с бастионами голландского типа по углам, в плане близкое к четырёхугольнику. Площадка замка около 2-х га была обнесена высоким земляным валом и дубовым частоколом. С запада и севера замок прикрывала река Ясельда с болотистым правым берегом, с востока и юга — ров с водой. Внутри укреплений можно было попасть только по мосту через ворота, которые в момент опасности закрывались, а мост разбирался.

Во время Северной войны 1700 – 1721 гг. войска короля Речи Посполитой Станислава Лещинского, сторонника шведского короля

Карла XII, 13 мая 1706 г. окружили замок. Его защитникам предложили сдать. Гарнизон (700 человек, 40 орудий) на ультиматум ответил орудийными залпами. На помощь войску Лещинского пришло подкрепление во главе со шведским генералом Майерфельдом, который также не добился успеха. Тогда Карл XII сам прибыл сюда. Шведы

окружили крепость плотным кольцом, из Пинска подтянули тяжёлую артиллерию, с помощью которой надеялись разрушить бастионы и сломить сопротивление гарнизона, однако это не понадобилось. Подкупленный комендант замка немец Ботман открыл ворота и сдал его без боя. Карл XII приказал разрушить укрепления, а орудия заклепать и утопить в реке.

В начале XX в. одно бастионное орудие было найдено на дне реки купающимися детьми. Раритет забрал местный помещик профессор истории Антоний Высловух. Некоторое время находка украшала вход в его Перковичский дом, а затем была передана на хранение в Музей Войска Польского в Варшаву. Там она находится и теперь.

Что же касается войны Московии со Швецией 1700 – 1721 гг., то она оставила свой кровавый след в истории Беларуси. Эта война велась на нашей территории с 1702 – 1708 гг. и ещё требует глубоких исследований и работы в архивах Польши, России и Швеции.

Весной 1702 г. Карл XII со своей армией впервые появился на территории ВКЛ. Вместе с Яном Сапегой шведско-белорусское во-

йско входит в Ковно. После этого одна часть армии Карла пошла в направлении Польши, а вторая в Вильно. О входе шведов в Вильно хорошо написал хронист Виленского католического бискупства: «5 апреля около 4 часов утра две тысячи шведов вошли в город. Наши священники очень испугались их приходу из-за давления на протестантов. Но всё обошлось контрибуцией».

15 февраля 1703 г. шведские войска под командованием генерала Адама Левенгаупта у местечка Салаты полностью разбивают промосковскую группировку шляхты во главе с Григорием Огинским.

В 1704 г. королём Польским и Великим Князем Литовским избирают Познаньского воеводу Станислава Лещинского. В этот же день был принят Варшавский трактат, согласно которого Сапегам возвращались все должности и владения, а так же уравнивались в правах все религиозные конфессии, действовавшие в Речи Посполитой.

В январе 1706 г. войска шведов снова вторглись на территорию ВКЛ. 11 января Карл XII осаждает Гродно. Из города чудом спасается 15 тысячное русское войско, оста-

Развитию туристической деятельности нужно придавать большое значение. Эта отрасль требует и больших капиталовложений, как государства, так и частных лиц. Я думаю, со временем одним из наиболее значимых объектов исторического прошлого нашего района станет замок Жабер. От былого величия этого грандиозного фортификационного сооружения сейчас остались лишь хорошо сохранившиеся земляные валы и обводной канал.

вив шведам обоз и пушки.

3 марта 1706 г. Карл XII приказал создать свою ставку в местечке Желудок, а союзнику Станиславу Лещинскому – в Василишках. Оттуда они отправляли вооружённые отряды, чтобы собрать контрибуцию и разбить промосковскую коалицию Огинских, Радзивилов и Вишневецких.

Вскоре и Радзивилы вынуждены были присягнуть на верность королю Речи Посполитой Станиславу Лещинскому. Это спасало на какое-то время их резиденции от разорения.

В начале апреля 1706 г. войска Карла XII двинулись на Полесье. 14 апреля армия шведов вошла в Ружаны, одну из многочисленных резиденций Сапегов. Однако к их приходу шведов Григорий Огинский и русские уничтожили замок, а местечко сожгли.

В канун этих событий по приказу князя Огинского началось спешное укрепление стен замка Жабер. Он стоял на пути движения шведов в Украину и прикрывал самый прямой путь на Вольнь. С этой целью было приказано разобрать дубовые стены и деревянные постройки Тороканского Базилианского монастыря и перевести их в замок. Что и было сделано.

По свидетельствам историков, пострадавшему от войны монастырю Карл XII выделил деньги на строительство кирпичного собора, монастырских строений и стены. Работы были завершены к 1710 г.

Кирпич делали на кирпичном заводе Пусловских, который находится у Сокольской дороги в лесу между д. Беленок и Завелёвье в урочище «Цыгельня» («Цыгель-

ня» хорошо сохранилась и вполне может стать туристическим объектом). Получается, что война помогла братьям-базилианам построить заново монастырь, но, к сожалению, он не сохранился до наших дней: был разрушен в 60-е гг. XX в. советскими атеистами.

Затем через Альбу шведы пришли в Берёзу-Картузскую, где остановились на несколько дней. За это время Карл посетил знаменитый монастырь Картузиан и отдохнул.

Вскоре армия не спеша двинулась через Хомск, Дружиловичи и Ставок на Пинск. Город сопротивления шведам не оказал. В Пинске вместе с ректором иезуитского коллегияма король поднялся на колокольню монастыря. Там он более двух часов вёл беседу с иезуитом. Известно, что воображение шведского короля тогда поразило половодье, превратившее болота в бескрайнее «Полесское море». Под впечатлением увиденного, Карл XII написал на камнях башни: «non plus ultra», что в переводе означало: «на той стороне нет ничего».

Дождавшись спада воды, шведское войско 23 мая 1706 г. двинулось через Дубои и Любешов на Вольнь.

На протяжении нескольких лет шведы целиком контролировали Западную и Центральную часть ВКЛ. В этот период шведская армия в Речи Посполитой насчитывала около 35 тыс. человек. Московская же группировка князя Шереметьева - около 60 тысяч солдат. Обеспечение армий провиантом и всем необходимым легло на плечи местного населения. Оно и страдало больше всего. Несмотря на поражение Швеции и их союзников под Полтавой в 1709 г., война продолжалась до 1721 г. и закончилась подписанием Ништадтского мирного договора между Россией и Швецией, по которому Россия получила выход к Балтийскому морю и стала морской державой.

В память о шведах, воевавших в наших краях с Московскими войсками, остались многочисленные топонимы. Так, название деревень Карловичи, Королин, Огдемер напрямую связано с этой войной. Ведь в те далёкие времена наши предки солдат армии Карла XII называли «каралинерами». Не все шведы вернулись к себе на родину. Многие остались здесь и обзавелись семьями. Поэтому среди белорусов до сих пор встречаются люди с фамилиями явно скандинавского происхождения - Магер, Гион, Канцер, Кушпет и др.

На моей памяти деревенские бабушки и дедушки своих непослушных внуков часто пугали шведами. Даже вредителя и точильщика дерева местные жители у нас называют «шведом». И это не слу-

чайно.

По рассказам старожилов в д. Воловель, во дворе Воловельской церкви сохранились захоронения шведов. Об этом свидетельствуют два памятника и курган, расположенные с западной стороны церкви. Это место ещё ждёт исследователей и требует детального изучения. Думаю, что тайна захоронений Воловельской церкви вскоре будет раскрыта.

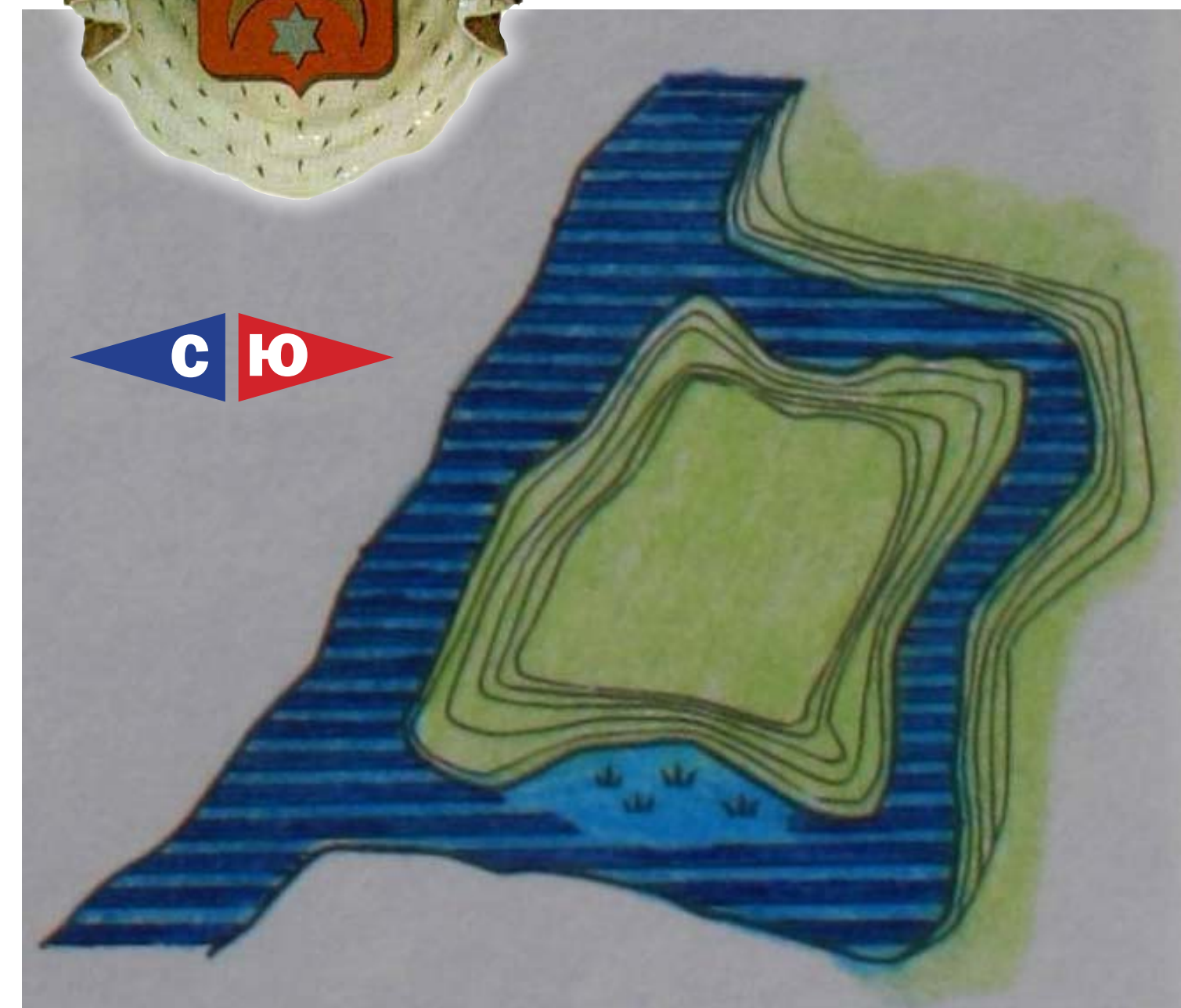
Есть шведские курганы в районе д. Лосинцы, Сычи и на Брашевичском кладбище.

Этот период нашей истории к великому сожалению остался не изученным. Ждут своих исследователей архивы Швеции, Польши и России. Я думаю, что много интересного о событиях прошлого и тайнах истории они нам поведают.

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник**

Герб "Карибут"
рода Вишневецких

План крепости Жабер
на местности

Первый хозяин крепости Жабер
Иеремия Михаил Корибут-Вишневецкий
(Jeremi Michał Korybut Wiśniowiecki)

ПЕРЕЖИТОЕ...

(ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЬНИЦЫ АНТОПОЛЯ НИНЫ НЕСТЕРУК)

В г. п. Антополь живёт Нина Александровна Нестерук, которой исполнилось 85 лет. Женщина очень любит читать книги церковные и светские. А ещё Нина Александровна прекрасно помнит события военных лет и охотно делится своими воспоминаниями.

Когда началась война, мне было тринадцать лет. В нашей деревне жил Коля Шибун, который собирал информацию для партизан. Это был секрет, но поскольку Коля дружил с моим отцом и очень ему доверял, то наша семья знала о связях Коли с партизанами. Необходимо было придумать, как передавать информацию партизанам. Тогда нашли такой выход: Коля пишет записку, заматывает в клубок ниток. С этим клубком меня отправляли в Стародубцы к маминной сестре. Я несла информацию партизанам, сама того не зная. Поэтому никак не могла понять, почему моя семья так радостно меня встречает, когда я возвращаюсь домой из Стародубцев. К моей тётке приходила Мария Байдук, которая держала связь с партизанами, и ночью женщины принимались разматывать клубок. Мария забирала записку и передавала информацию партизанам.

...Моя мама пекла партизанам хлеб. А ещё мы вязали партизанам рукавицы, необычные: вывязывали указательный палец, чтобы удобно было стрелять. Вязали и шарфики.

...Ночью в нашу деревню часто приходили партизаны, а днём полиция. У нас был очень хороший солтыс. Если приезжали немцы, то он бежал по деревне и просил у хозяек кур, гусей, яйца. Все знали: лучше немцам принести сразу хоть что-то, а не то они пойдут по домам и заберут всё.

Вскоре немцы стали проводить по сёлам облавы и увозить молодежь на работы в Германию. Поэтому на ночь вся наша семья уходила ночевать за канал. В доме оставалась только моя бабушка – мамаина мама, которой было больше 80 лет.

...Однажды вечером (у меня был нарыв на ноге) было решено не уходить далеко, а пересидеть ночь в своём доме. Так и сделали. У меня к утру боль стала почти невыносимой. Подняв из жита голову, я уви-

дела в деревне человека с ружьём. На большом расстоянии невозможно было определить, немец это или партизан. Мы решили посидеть в жите ещё немного. Через какое-то время отец увидел, что немцы уже на лугу. Мы оказались совсем рядом с ними и начали отползать. Отца и меня немцы заметили. Немец замахнул на меня автоматом, и я не сдержалась, закричала диким голосом. Немец не ударил меня, но на мой крик подняла голову мать. Заметили и её тоже. Нас пригнали в деревню Хомичицы. Поставили около старинного памятника и решили расстрелять – решили, что мы бандиты, потому что прятались в жите. Подошёл полицейский Сергей, который хорошо знал отца ещё до войны. Он спросил, не партизаны ли мы. Отец ему и объяснил, что мы прятались для того, чтобы не угнали в Германию. Сергей не испугался, пошёл к немецкому начальнику и просил за нас. Старых отпустили, а молодых погнали в Антополь. Здесь мужчин и женщин разделили и закрыли в бывших еврейских магазинах.

Родственники приносили сюда нам передачи. Одну из торб никто из мужчин не признал своей, то-

да решили передать её женщинам. Отправили с ней моего отца. Однако донести передачу ему не удалось. По пути немец забрал торбу у отца, а его самого прогнал.

Вскоре к нам пришли немцы. Спросили у меня, сколько лет. Мой год не подлежал угону в Германию, но я была очень рослой. Меня отвели в комнату, где сидели четверо немцев. Они оглядели меня, как корову, и сказали: «Выхована». Матери приказали готовить меня в Германию. Она вышла из "магазина", стала ходить под окнами. Дождалась, когда немцы разошлись, и велела мне выпрыгнуть из окна и бежать. Я сбросила кофту, чтобы казаться в другой одежде, поэтому на меня не обратили внимания. Нам с мамой удалось вернуться домой. По дороге меня всю колотило от страха.

Немцы, обнаружив, что не хватает людей, которых они отобрали для отправки в Германию, со злости решили сжечь село. Староста прибежал к нам в дом посоветоваться с отцом, что же делать. У меня был очень больной брат, с воспалением лёгких. Он сказал: «Я пойду. Пусть меня убьют, а село останется, и Нину я не пущу, она

ещё ребёнок». Немцы село не тронули. Мы думали, что моего брата расстреляют.

...Во время отступления немцев наша семья ушла за канал, даже скот забрали с собой. Осталась только бабушка. Пришёл немец и жестами стал объяснять, что будет лететь русские самолёты, будет перестрелка, будут гореть дома. Затем он полез на чердак, снял серпы, косы и другой инвентарь. Всё это взял в руки. Взял за руку бабушку, отвёл в огород, где была посеяна конопля, положил инвентарь. И жестами объяснил, что когда будет гореть дом, то всё это не сгорит, если оставить его здесь. Вскоре в дом вошёл другой немец и забрал зеркало и масло на тарелке...

Как только посёлок освободили, отца призвали на фронт. Там он получил ранение и был комиссован.

Я начала ходить в школу, затем работала финансовым агентом.

...В деревне Лесковичи была свадьба. На свадьбу пришли партизаны, чтобы взять продукты. Кто-то их выдал немцам. Приехала полиция, село окружили, забрали всех, кто был на свадьбе. Пригнали в сад Гурина и заставили копать яму. Невеста первая стала у ямы, сорвала фату, бросила на землю. Их с женихом расстреляли первыми, а затем и остальных, кто был на свадьбе.

...Как-то через Хомичицы шли несколько партизан и зашли к моим родителям. Один из них увидел у моего брата кепку и предложил поменяться на кубанку, в которой было жарко. Также партизан попросил чистое бельё: «Моё военное, хорошее, новое, возьмите его, а мне дайте хоть старое, но чистое, а то на моём уже вши ползели. Это бельё сразу в дом не несите, а ошпарьте на улице». Мама выполнила его просьбу. Он взял бельё и поблагодарил, а ведь мог забрать силой всё, что ему было нужно. Вот это был партизан!

...В большом дефиците была соль. Как-то пришли к нам в дом партизаны, и один из них взял соль. Мама попросила: «Сынок, оставь хоть жменьку». А он отвечает: «Вы себе ещё найдёте, а на партизан цинга нападает, нам соль нужнее», и забрал её. Были партизаны чело- вечные, а были и грабители. Один из таких – Николай Новик – забирал у людей, всё что мог, а называл себя партизаном. Как люди кляли его! И надо же, вскоре застрелился. Ни один человек из деревни, кроме родных, не вышел проводить его в последний путь.

...Когда нас освободили, фронт ещё был под Варшавой. Появились бандеровцы. Я работала финансовым агентом в сельсовете, который располагался в одном из больших

домов. Прихожу на работу и вижу, что весь огород около сельсовета усыпан бумагами, а секретарь Дубанский ранен. Мы собрали бумаги и со всеми документами переехали в Татарновичи. В доме Сахацко Григория снимали комнату под сельсовет. Во многих сельсоветах бандеровцы забирали деньги, но людей не убивали. В Новосёлках они убили семью. Причину убийства так и не выяснили.

...Сразу после войны я перешла работать в магазин продавцом. Мне разрешили выходить на работу вечером и утром. Днём люди были на работе, и в магазин почти никто не заходил. У нас уже был колхоз. Однажды я вышла из магазина, закрыла его и уже почти дошла до дома. Вдруг вижу – идут по деревне четыре парня. Один в один рослые, красивые. Были одеты в синие и коричневые костюмы. Я решила, что это прислали кого-то из района. Остановилась за кустом сирени и наблюдаю. Незнакомцы подошли к магазину, увидели, что он закрыт и пошли в Антополь. Пришли в столовую, заказали обед. Когда официантки начали убирать со столов, под скатертью нашли записку: «Ермак обедал – никто не ведал». Поднялся переполох. Записку отдали милиции. А парни эти пошли к своим людям в Горичи и легли на сеновале спать. Участковый Букраба начал их искать, опрашивать людей. Парни были видные и люди обращали на них внимание, так что найти их не составило большого труда. Они пытались отстреливаться, но их окружили.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА:

Нина Александровна Нестерук родилась в д. Хомичицы осенью 1928 года. В 1951 г. вышла замуж и переехала с мужем в д. Свекличи. В 1960 г. семья переехала в Антополь. В 1963 г. умирает муж Нины Александровны. Далее она работала продавцом, финансовым агентом. После переезда в Антополь устроилась в колхоз «1 Мая», с 1963 г. – техработник средней школы, затем работала поваром в кафе «Тополь». Закончила свою трудовую деятельность няней во вспомогательной школе. Воспитала двоих сыновей. Старший сын, Василий, известный автор басен на местном языке.

Воспоминания Н.А. Нестерук, фото и сведения биографического характера представлены учителем ГУО «Антопольская СШ» Нестерук Марией Михайловной. Обработка материала: Наталия Федосюк

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ДОНАТА НОВИЦКОГО

В 1930-е гг. в Дрогичинском воеводстве Польше было хорошо известно имя Доната Новицкого, настоятеля греко-католического прихода в Торокани (Именинах).

Пути к вере у Доната Новицкого не был лёгким. Можно было сдаться на милость сильных, потерять веру, а возможно и жизнь. Он выбрал путь служения Богу и не свернул с него до последних дней жизни, пройдя через испытания и проповедуя людям свет и добро.

Родился Донат Гильярдович Новицкий в 1893 г. в Москве в мещанской семье. После окончания гимназии учился в Петроградском, а затем Петербургском университетах. Окончив светскую учёбу, поступил в Петербургскую Духовную семинарию.

В стране шла война, и Донат добровольцем ушёл на фронт, где служил дивизионным священником. Ему на фронте было присвоено звание поручика.

В армии Новицкий прослужил до 1921 г. После какое-то время отставной офицер жил в Москве. Именно тогда он окончательно решает всю оставшуюся жизнь посвящать служению Богу. Поэтому в конце 1922 г. переезжает в Петербург, где у него было много друзей. Там вступает в Абрикосовскую общину.

Это был период разгара воинственного атеизма в Советской России. Для ГПУ религия была вне закона. К осени 1923 г. среди активных клерикальных кругов Петербурга начались аресты. 16 ноября Донат Новицкий был арестован и привлечён ГПУ к следствию по групповому делу русских католиков. 19 мая 1924 г. приговорён по ст. 61 и 66 УК РСФСР к 10 годам тюремного заключения. 13 июня отправлен в Орловскую тюрьму.

Из воспоминаний Д. Новицкого: «12.11.23 г. были произведены первые аресты. Была арестована А.И. Абрикосова, много сестёр и прихожан. Отца Александра арестовали на следующий день. 16.11.23 г. арестовали Владимира Большакова и меня. Все обвинения против нас сводились к тому, что мы поддерживаем связь с иностранной буржуазией, которая по указаниям и под руководством Святого Престола ведёт кампанию против Советской Власти и мечтает о вооруженном нападении на Советский Союз...

Один из помощников следователей церковного отдела ГПУ Тутцайт вызвал меня недели за

две до оглашения приговора и прочёл обвинение: «Обвиняетесь по ст.ст. 61, 66 как активный член нелегальной антисоветской организации».

В тюрьме ГПУ Донат повёл долгих 17 месяцев. Только в сентябре 1925 г. его вывозят в Соловецкий лагерь особого назначения. Там он вошёл в тесный контакт с единомышленниками, отбывающими наказание. В лагере 5 сентября 1929 г. епископом Б. Сласканом Новицкий был тайно рукоположен в священники по восточному обряду.

В этом же году Доната Гильярдовича переводят на о. Анзер, а затем вывозят в Ленинградскую тюрьму как одного из руководителей «группы ксендзов».

Вот как он описывает свою жизнь в Соловецких лагерях: «На о. Анзер католические священники были объединены в братскую общину, имевшую общую продовольственную и денежную кассы и составляющие единый духовный организм. Допустив создание такой «ксендзовской коммуны», которая защищала интересы верующих и неверующих, считалась образцовой, ГПУ преследовало свои цели, но поняв, что совершена ошибка, была сделана попытка ослабить общину, разложить, скомпрометировать. Это не дало результатов. «Ксендзовская коммуна» жила...

5.06.1932 г. началась ликвидация католической коммуны. Всем её членам предъявлено обвинение по ст. 58 п. 10 «принадлежность к антисоветской группировке и антисоветская агитация» на территории концлагеря. В разговорах и допросах следователи, не имея против нас никакого фактического материала, выдвинули ряд догадок (например, нелегальная переписка) и оригинальное обвинение (например, наша коммуна была монастырём, т.к. была общая молитва и реколлекция, нелегальное и упорное совершение Святой обеды, для чего мы прибежали к нелегальным способам изготовления вина и облатки».

Однако судьба была милостива к Донату Новицкому. Неожиданно Советское правительство обменяло его на одного из советских шпионов, пойманных диффензивой Польши. Так Донат оказался в сентябре 1932 г. настоятелем греко-католического прихода в Торокани.

Настоятеля греко-католической общины хорошо знали не только в Торокани (Именинах), но и во всём Полесском воеводстве Польши.

Мои родственники из д. Бра-

шевичи в 1930-е гг. были частыми гостями Доната Новицкого. Остались воспоминания моей тётки Натальи Олешко, которая хорошо знала семью настоятеля, часто бывала у них в гостях и брала из его библиотеки книги для чтения. Вот что она пишет: «Летом 1936 г. пошли слухи, что в Торокани батюшка-униат отправляет детей из бедных семей учиться в польские школы. Вася и Алёша пошли к Донату Новицкому. И он зачислил моих братьев учиться в город Хелм к законникам-полотинам. Я в плач: «Я тоже хочу учиться, пойду в Торокань к Донату Новицкому»...В воскресенье я побегала в льняном платье за братьями в Торокань. Меня Новицкий спрашивает, куда хочу ехать учиться, но посмотрев, что я «заморыш», говорит: «Куда я тебя такую пошлю?». Через некоторое время направил меня в Варшаву в кулинарную школу».

С началом Второй мировой войны семья Новицких вынуждена была переехать из Беларуси в оккупированную немцами Польшу. С 1939 г. Новицкий служит капелланом женской монашеской общины. Вместе с единомышленниками борется с фашизмом, включившись в подпольную деятельность. Помогает участникам Варшавского восстания и Армии Краёвой.

С 1948 г. проживает в Свидаеве. Затем в Новой Веси и Изабеллине под Варшавой. Был активным сторонником и участником экуменистического движения. Преподавал русскую культуру в Духовной семинарии Поллотин в Олташеве под Варшавой.

До последних дней жизни Донат Гильярдович вёл клерикальную деятельность. При кардинале Стефане Вышинском занимал пост эксперта-референта по вопросам экуменизма, восточных церквей и России. Скончался Новицкий 17 августа 1971 г. в с. Изабеллине под Варшавой.

Директор военно-исторического музея Сергей Граник

В оккупированном Дрогичине

Заседание бюро Дрогичинского подпольного райкома ЛКСМ(Б). В центре Нордман и Тихомиров

В годы войны в Дрогичинском районе действовал подпольный райком комсомола, первым секретарём которого был Василий Тихомиров. Дислоцировался райком в партизанском отряде им. Н.Т. Шиша. Василий Васильевич был настоящим патриотом. Вместе с молодёжью он ходил на боевые операции и вёл работу по увеличению комсомольских рядов и созданию широкой сети «первичек» в деревнях. Уже к осени 1943 г. подпольные молодёжные организации действовали во всех крупных населённых пунктах и Дрогичине в том числе.

О подпольной организации Дрогичина я и хочу рассказать подробнее. Ведь о том, что в райцентре во время оккупации было подполье, сведений и публикаций не было, а подполье существовало. Вот что пишет в своих воспоминаниях, хранящихся в нашем музее, Василий Тихомиров – бывший секретарь Дрогичинского подпольного райкома комсомола.

Оккупационный режим в местечке Дрогичин был установлен немцами с 25-го июня 1941 г. Молодёжное подполье с первых дней войны возглавлял Петя Токарук. Семья Токаруков проживала на ул. Полесской (теперь ул. Черткова). В его семье были отец – Иван Юлианович, мать – Ефимия Титовна,

брат Ваня и сестра Мария.

До начала войны Петя учился в ФЗО г. Пинска на железнодорожного рабочего.

Петя Токарук хорошо знал польский и немецкий языки. Ещё «при Польше» был активистом довоенного молодёжного движения в Дрогичине.

Помимо этого перед войной он освоил фотодело. У него было всё, чтобы делать фотографии. И в начале войны Петя стал свободным фотографом, мотивируя своё увлечение возможностью хоть что-то заработать. Петя часто фотографировал местных жителей и немцев. Ему приходилось общаться с оккупантами. Он делал им фотографии и приносил их по месту службы или проживания. Обо всём увиденном и услышанном Петя рассказывал отцу. У Ивана Юлиановича сохранились старые подпольные связи со времён панской Польши, поэтому вся информация передавалась появившимся в окрестностях Дрогичина партизанам.

Вскоре между подпольщиками были распределены зоны действия. Иван Токарук вёл работу в Дрогичине, Потап Проневич на Староселье, Григорий Сахащук в Ровинах, на ст. Нагорье – учитель из Брашевич Бекаревич, а Василий Сушко – в д. Скрипели. В начале 1942 г. организация была создана.

Началась подпольная работа. Петя Токарук возглавил молодёжную группу подполья. Каждый участник организации получил кличку. Петю звали «Свояк».

Летом его отцу удалось раздобыть радиоприёмник. После прослушивания сводок Иван Токарук прятал его на огороде в старом улье. Сведения о положении на фронте комсомольцы переписывали от руки и по ночам расклеивали в местечке и раздавали знакомым.

Осенью 1942 г. Петя вошёл в доверие к немцам и ему предложили работать помощником киномеханика в кинотеатре, который размещался в здании Народного дома (старая музыкальная школа). Так Петя получил возможность общаться с немцами и подслушивать их разговоры.

Вскоре он встретился со своим другом из Брашевич Василием Млынчиком, который до войны учился в Пинской гимназии. Ребята вместе жили на квартире у одной еврейки. Млынчик был связным группы Евгения Макаревича и начал сотрудничать с партизанами, когда в 1941 – 1942 гг. работал в Симоновичах учителем начальной школы.

Через некоторое время по просьбе Макаревича он устроился к немцам переводчиком. О том, что Млынчик работает на партизан,

Изучая прошлое Дрогичинского района и занимаясь исследовательской работой, мне удалось собрать большой материал о подпольщиках, сражавшихся в годы войны с немецко-фашистскими оккупантами на нашей территории. Ведь подпольные обкомы, райкомы (горкомы) комсомола были созданы в самом начале партизанского движения. Но самое главное – была создана широкая сеть подпольных организаций. Вот они-то и вели борьбу с врагом всеми имеющимися средствами.

знали лишь Макаревич и Токарук.

Секретарём подпольной комсомольской организации Дрогичина был избран Пётр Токарук, а его заместителем Александр Гречко. В её составе было около десяти человек.

Саша Гречко по заданию командира отряда Евгения Макаревича устроился на работу в немецкую организацию по разведке. Центром руководил полковник Линьков, по кличке «Батя». Он размещался на одном из островов Споровских болот. Перед освобождением разведцентр получил задание эвакуировать своих агентов с немецкими учреждениями в Германию или Австрию.

Находясь там до конца войны, они передали Генштабу Красной Армии ещё много полезной информации. «Работали» дрогичинские подпольщики и в послевоенное время, находясь вдали от Родины.

В состав Дрогичинского подполья по информации музея и по воспоминаниям Василия Тихомирова входили:

1. Пётр Иванович Токарук (погиб в 1943 г.)
2. Александр Яковлевич Гречко
3. Павел Григорьевич Канцер
4. Яков Ефимович Борищук
5. Татьяна Константиновна Шинкевич
6. Григорий Павлович Сахащук (погиб в 1942 г.)
7. Николай Фёдорович Рудой
8. Николай Яковлевич Шендер
9. Нина Потаповна Проневич
10. Константин Антонович Проневич
11. Василий Степанович Млынчик
12. Михаил Бикаревич (погиб в 1943 г.)
13. Лидия Феодосьевна Расюк (погибла в 1943 г.)

За время своей деятельности комсомольская организация про-

дела большую работу. Она собирала оружие, боеприпасы, взрывчатку, медикаменты, продукты, одежду, помогала молодёжи и пленным красноармейцам уйти в партизаны. Командование отрядов поручало им специальные задания: расклеивать листовки о положении на фронте и сообщать о предстоящих карательных операциях против партизан.

На новом месте немцы несколько раз проверяли Петю, поэтому, чувствуя, что за ним следят и могут арестовать в любую минуту, парень решил, не теряя времени, в конце 1943 г. бежать из Бреста в лес. Так он оказался в отряде им. Макаревича. К сожалению, Петя Токарук до Победы не дожил. Погиб в декабре 1943 г. при выполнении специального задания в районе д. Новошицы Ивановского района.

После гибели Евгения Макаревича задание руководить агентурой в Дрогичине получил ст. л-т Пётр Маркевич, который передавал собранные сведения в «Оперцентр по разведке». Центром руководил полковник Линьков, по кличке «Батя». Он размещался на одном из островов Споровских болот.

Неожиданно кто-то из односельчан предал Шеляговичей. Сначала арестовали Михаила, а спустя некоторое время и его жену Марию. Их содержали в Дрогичинской тюрьме и жестоко пытали, требуя назвать всех тех, кто был связан с партизанами. У партизан Евгения Макаревича в Дрогичине были свои люди, которые по заданию работали на немцев.

В тюрьме на связи с партизанами был переводчик из Хомска Алексей Босхоных и командир взвода охраны Алексей (фамилия неизвестна). Эти два Алексея и выполняли задания Макаревича.

Не найдя доказательства связи с партизанами супругов выпустили. Они вернулись в Огдемю и снова продолжили антифашистскую деятельность. В августе 1942 г. повторно арестовывают Михаила Шеляговича. Начались пытки и истязания активиста. Он молчал, постоянно отрицая свою связь с партизанами. Мария, переживая за мужа, носила ему в тюрьму передачи. Желавших передать еду и одежду родным у стен тюрьмы каждый день собиралось множество. Охрана отгоняла людей, но они старались хоть чем-то помочь своим близким.

У Марии Сергеевны было задание

делала большую работу. Она собирала оружие, боеприпасы, взрывчатку, медикаменты, продукты, одежду, помогала молодёжи и пленным красноармейцам уйти в партизаны. Командование отрядов поручало им специальные задания: расклеивать листовки о положении на фронте и сообщать о предстоящих карательных операциях против партизан.

В нашем музее хранятся воспоминания Марии Шелягович из Огдемю, которая в годы войны вместе с мужем активно помогала партизанам.

Супруги Михаил Лукич и Мария Сергеевна Шелягович (двоюродная сестра Пети Токарука) первыми в деревне вступили в комсомол. Во время оккупации в их доме была явочная квартира, которую периодически посещали партизанские разведчики из отрядов им. Шиша и Макаревича.

Ей удалось перебросить через стену во двор узелок с продуктами и одеждой для Михаила. Неожиданно отгонявший людей от стены полицай узнал её. Дал команду следовать к воротам тюрьмы. За углом стены они столкнулись с командиром взвода охраны Алексеем. Узнав Марию, он остановил полицая и спросил в чём дело. Тот объяснил, что недавно избил эту женщину на допросах. И что она связана с партизанами. Он ведёт шпионку к начальнику тюрьмы.

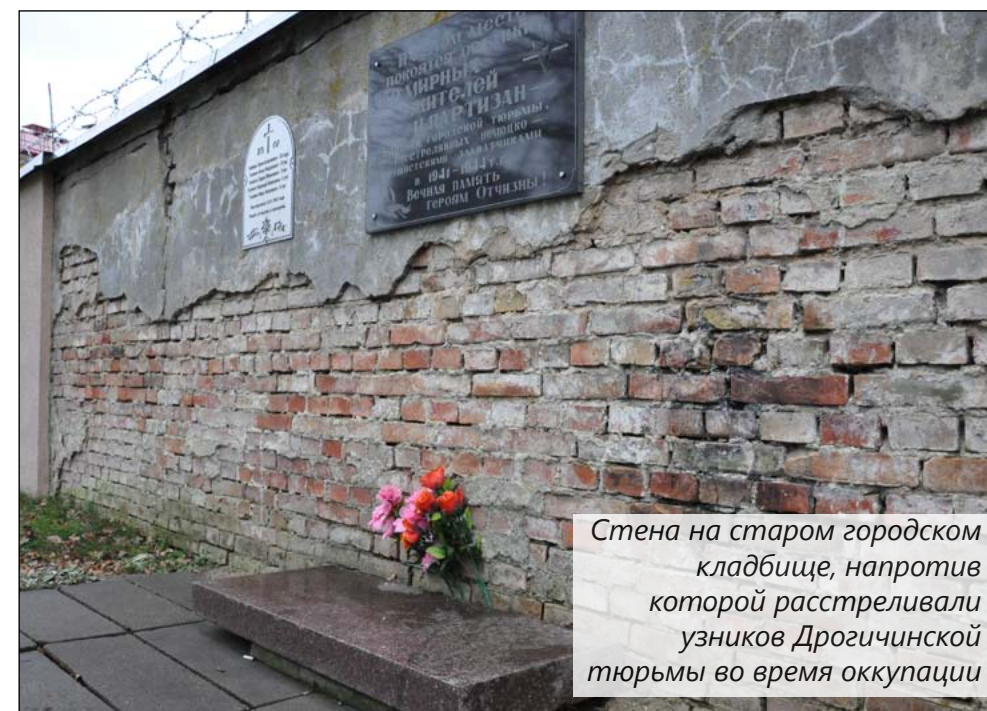
Выслушав это, Алексей взвёл ружье и сказал, что он сам эту гадину пристрелит. Алексей, подталкивая, повёл Марию вглубь двора, чтобы после выстрела она падала, и какое-то время не шевелилась, а также попросил передать Макаревичу на словах, что он готов освободить заключённых и перейти со своим взводом охраны на сторону партизан.

Вскоре её мужа с помощью Алексея выпустили. Алексей сказал ему, чтобы уходил в лес к партизанам, ибо расстреляла уже не избежала. Не теряя времени супруги Шеляговичи, забрав дочь, ночью ушли в отряд им. Калинина, где ко-

мандиром был Юрий Самаркин. Но фашисты расправились с оставшимися в деревне родственниками. Были арестованы и расстреляны в Дрогичине: отец и мать Михаила, два брата, две сестры, тётка и дядя.

В партизанском отряде в 1943 г. у них родился сын Михаил. После соединения с частями Красной Армии партизана Михаила Шеляговича отправляют на фронт. В боях под Варшавой он потерял руку. Домой вернулся инвалидом. После войны активно участвовал в колхозном строительстве. В семье родилось ещё двое детей. Но у Шеляговичей случилась ещё одна беда – когда Михаил садился в поезд, не удержавшись одной рукой, упал, и ему отрезало ногу. Так партизан и фронтовик остался без руки и ноги.

В 1959 г. друзья по партизанскому отряду пригласили его семью в Калининград. Они решили ехать... Оставшуюся часть жизни Шеляговичи прожили в Калининграде. ...Война давала возможность каждому человеку выбрать, кому служить и за что бороться. Наши люди в основном выбирали путь борьбы с фашизмом. Таких были миллионы – известных и неизвестных борцов за свободу и независимость Родины.

Стена на старом городском кладбище, напротив которой расстреливали узников Дрогичинской тюрьмы во время оккупации

Директор военно-исторического музея Сергей Граник
Фото Ивана Леончика

Здание Дрогичинской тюрьмы, в котором содержались под заключением подпольщики и партизаны

ДЕТСТВО ПРИ ПОЛЬЩЕ

Мой дед по матери возил царя. Из родного Смоленска его призвали служить в лейб-гвардию, потому что он был рослый и красивый. Император во время смотра выбрал его своим кучером. Случилось так, что царь проезжал с ревизией по воинским частям через Беларусь. Дед его вёз из Петербурга в Варшаву. И в Кобрине они остановились на отдых. Дед имел возможность прогуляться по городу. Во время прогулки и встретил мою будущую бабушку. На прощание он дал девушке слово, что вернётся к ней, чтобы жениться. Своё слово сдержал. После увольнения со службы остался на

Мария Михайловна
Корниченко

Кобринчине и устроился работать лесничим.

Мой второй дед, по отцу, открыл в Кобрине лавку и торговал. Перед началом Первой Мировой войны, он понял, что накопленные деньги могут пропасть или обесцениться, купил на них землю и построил дом. Участок был 60 га и располагался в 19 км от Кобрина по Варшавско-Московской дороге. Наш фольварк имел даже своё название – «Клён». Именно там я и родилась в 1927 г., при Польше.

Я 7 лет училась в польской школы. Последний год мы учились в советской школе уже на русском языке. Шефом нашей школы было Министерство финансов Польши, поэтому она была большой и красивой. Помню, в классах было даже радио. Радио тогда было редкостью и дома нам пользоваться им запрещали. В школе учились вместе белорусы и поляки. Поляков мы терпеть не могли, как и они нас. Один раз

Через годы, через испытания...

Воспоминания Марии Корниченко

моя одноклассница-полька толкнула меня зимой на горячую печку. Она мне завидовала, что я была лучшей ученицей и старостой класса. При этом она была старше меня. Я была на первом курсе четвёртого класса, а она на третьем. Тогда так учились: третий класс делился на два курса, то есть длился два года, четвёртый класс длился три года.

Мои родители работали на земле. Им помогали наёмные работники, которые жили там же, при фольварке. У нас было много скота. При всём этом мой отец, Михаил Митрофанович Козлович, был членом КПЗБ. Мне было мало лет, поэтому сейчас трудно вспомнить, чем именно он занимался. Но часто мы с братом видели у него пистолет и коммунистические листовки. Мы жили богато и у нас коммунисты прятали листовки, потому что мой отец был вне подозрений. Со стороны казалось, что выступать против польской власти причин у нас не было. Почему он стал коммунистом? Видимо потому, что считал жителей Советского Союза своими, а поляков – чужими. Ему хотелось, чтобы все были свободными и равными.

Красную Армию в 1939-ом году многие, в том числе и мы, встречали с большой радостью. Все надевали лучшую одежду. Выходили встречать с цветами. Я также принесла цветы. По Московскому шоссе на Брест тогда шли их главные силы. Такого количество машин, не говоря уже про танки, раньше наши люди не видели. Казалось, что Красная Армия бесчисленна и непобедима. Тогда же, в 1939 г., я видела и немцев. Два немецких танка с разведкой дошли до нашего хутора, но дальше не двинулись. Мы от них спрятались. Видели и отступающих поляков. Нас это радовало. Но чему мы радовались?

ВОЙНА

Неожиданно в июне 1941 г. началась война. Установился оккупационный режим. Немцы начали массовые расстрелы евреев и тех, кто были советскими партийными активистами. Видя это, местные жители стали объединяться в группы сопротивления оккупантам. Себя они называли партизанами, хотя на деле были обычными "бандитами". Немцам они не доставляли практически никаких хлопот, зато постоянно грабили местное население. Одна жительница ближайшей деревни отправила к этим «партизанам» своего сына со словами: «Иди, сыночек, то хоть оденешься...». Но уже через три дня его убили, когда он возвращался с награбленной добычей. Если нужно было, например, спилить столбы или взорвать эшелон, то местные «партизаны» под угрозами посылали на эти задания деревенских подростков, что жили рядом с железной дорогой. Сами они не хотели рисковать,

потому что подступы к важным коммуникациям были заминированы, а часто и сами столбы линии связи. Беспредел продолжался до тех пор, пока на нашу территорию не забросили отряд десантников. Они были в военной форме, а их командир имел звание «полковник». Своих имён и фамилий они не называли, старшего они так и звали – «Полковник», а сам отряд местные жители называли отрядом «Полковника». За несколько месяцев десантники подчинили себе все партизанские отряды и группы. Жёсткими методами «Полковник» навёл дисциплину и среди местных «партизан». Я, мои сестра и брат были у них связными. Самым распространённым видом борьбы с немцами у них было разрушение линий связи. По ночам они срезали телефонные и телеграфные столбы. Немцев это злило, и они срывали злость на местном населении, проводя облавы против партизан. От этого страдали мирные жители

Немцы восстанавливали связь руками местных жителей. Ещё засветло объезжали дома и собирали мужчин, которых затем везли в лес на место заготовки деревянных столбов. Поэтому местные люди всегда старались пораньше подняться на работы в поле, чтобы к приходу немцев успеть уйти из дома. Тогда немцы стали приходить ещё раньше. Гнали мужчин впереди себя, а сами шли вдоль обочины. Потому что знали, что дорога может быть заминирована партизанами. Однажды таким образом забрали и моего отца. Ехать было страшно. Поэтому отец предложил другим мужчинам пустить лошадей по дороге, а самим идти по обочине. Но партизаны уже знали о такой уловке немцев, поэтому дорогу начинали минировать только тогда, когда пройдут все обозы. На этот раз все обошлось.

Однажды партизаны решили заминировать дорогу и устроить засаду, когда немцы будут возвращаться обратно на машинах. С заготовкой телефонных столбов оккупанты поступали весьма странно и по-немецки педантично. Деревья для столбов рубили в лесу, затем отвозили в отдельное место для обработки, а оттуда уже развозили устанавливая вдоль дороги. В этот раз немцам не хватило всего 2-3 столба, и моего отца и ещё одного парня посадили в машину и отправили на место заготовки. Мне кажется, немцы чувствовали, что отец связан с партизанами, и в него стрелять не будут. Ожидая худшего, парень который ехал с отцом, встал в кузове возле водительской кабины, посчитав, что она сможет его защитить в случае взрыва. Отец стоял в кузове над колёсами. Опасения оправдались. Уже через 300 м под машиной взорвалась мина. Парню очень сильно поранило осколками ноги. Позже у него началось заражение крови. Его в Кобринской больнице пытались спасти, ампутировав одну ногу, но он всё равно умер. Моего отца тогда контузило. Руки, которыми он держался за борт кузова, осколками мины обо-

драло до костей. На кусочки раздробилась щиколотка. Хорошо, что остался живой.

...Немцы арестовывали меня три раза по подозрению в связи с партизанами, но каждый раз отпускали, поскольку к тому моменту в кобринской и брестской полиции были связные партизан.

Помню, меня одну пришли арестовывать двадцать полицейев. Когда приехал кобринский начальник, он приказал меня отпустить и начал подшучивать над ними. Мол, такой толпой пришли арестовывать одну девушку. Он отправил полицейев искать оружие. Естественно в доме, хозпостройках и в саду они ничего не нашли. Правда, у нас были несколько ящиков с танковыми снарядами, но с партизанами это не было связано. Ещё в самом начале войны на нашей земле осталось три советских танка. Два из них были совсем новые, а один подорванный и сгоревший. Внутри него лежал убитый танкист. Его с мамой потом похоронили. Мы достали из танков всё, что было возможно, и даже запаслись бензином. Позднее были случаи, когда дети, игравшие возле танков, подрывались из-за того, что ковыряли боеприпасы. Поэтому снаряды нам пришлось тоже собирать и прятать подальше от детских глаз и рук. Ближе к концу войны немцы разрезали эти танки на части и увезли. Видимо, у них уже не хватало металла.

...По нам много раз стреляли. Во время одного из обстрелов отцу второй раз покалечили ноги. На этот раз прострелили голень. Если мы вывешивали возле дома сушиться бельё, то практически всегда снимали его продырявленным. Такой сильный был ружейный огонь в окрестностях деревни. Мы привыкли падать, убежать, уползть...

В 1944 г. немцы всё-таки арестовали нашу семью. Я, мои родители, брат и сестра месяц находились в кобринской тюрьме и ждали смерти. (Брата и сестру немцы отправили на работы в Германию. Их в 1945 г. освободили американские войска, три месяца они были в репатриационном лагере в Магдебурге. Сестра затем вернулась домой, а брат – нет. Его забрали в армию, писал письма, а затем пропал без вести.) Меня же и родителей позднее немцы отпустили из тюрьмы, но в тот же день наш дом сожгли.

Мария Корниченко и её сестра

МОЙ БУДУЩИЙ МУЖ

Леонтий Корниченко, мой свёкор, был родом из Кривого Рога. Сначала работал на шахте, но по состоянию здоровья ему это запретили. Тогда он устроился на железную дорогу. В итоге объездил практически всю Россию и остался жить в Пензенской области. В 1925 г. у него родился сын Григорий – мой будущий муж. После 9 классов школы, уже во время войны, Григорий поступил в лётное училище, в котором, кстати, учился сын Сталина Василий. Григорий был даже с ним знаком. Под конец обучения все выпускники получили самолёты, но затем весь курс перевели в механики, потому что их на фронте не хватало. В обязанности механиков входило проверять самолёты перед вылетом. Далее Григорий поступил в артиллерию на Курскую дугу. Там уже распределяли по принципу «куда нужнее». Нужнее он оказался в артиллерии. Так он стал корректировщиком огня. Их бросали в самое пекло боёв, и по рации они должны были сообщать артиллерийской батарее, куда стрелять. Однажды группа корректировщиков вместе с Григорием оказалась в окружении немцев. Артиллерия точно не знала, какие квадраты необходимо обстреливать. Многие наши, как и немцы, погибли от обстрелов своей же артиллерии. Связаться с командованием никакой возможности не было. К нашим артиллеристам послали одного корректировщика, но он вместо этого решил отсидеться в безопасном месте. Послали другого – его убили. Тогда пошёл мой Григорий. Его ранило в руку осколком снаряда, но он дошёл и спас остальных. По корректировщикам перестали бить, и те, кто уцелел, выбрались к своим. А раненого мужа сразу же увезли на санитарном поезде в госпиталь. Он вспоминал потом, что на одной из станций оказалось два поезда с боеприпасами и горючим и три санитарных поезда. Там же было большое бомбоубежище на 3000 человек.

Во время ночной бомбардировки туда набилось очень много солдат и железнодорожников. Мужу места в нём не хватило, и он спрятался под подбитый немецкий танк. Немцы били по квадратам, и Григорий заметил, что вот-вот огонь накроет укрывающий его танк. Мой муж поднялся и побежал к кирпичному туалету. Совсем рядом с ним взорвался снаряд, его ранило и привалило кирпичами. Откопали его утром седым, без сознания. Позже Григорий рассказал, что стреляли немцы очень метко. Бомбоубежище с людьми было разрушено практически полностью. Все, кто там был, погибли. Когда стали разбираться, в чём дело, оказалось, что начальник этой станции указывал немцам, куда им нужно бить. Предателя повесили. Оправившись после ранения, муж успел ещё повоевать под Кёнигсбергом. Победу встретил в Пруссии. Он имел боевые награды, но, к сожалению, многие из них были украдены в поезде. После войны он продолжал службу адъютантом полковника по фамилии Шевченко.

Мария и Григорий Корниченко

ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Сразу после освобождения для нас наступило трудное время. В войну мы не голодали, а тут голод. Приходилось быстро восстанавливать сгоревшее в войну хозяйство. Ещё в 1939 г. нам из 60 га оставили только 15. Однако, несмотря на это, очень скоро моего отца обвинили в том, что он кулак. Суд вынес приговор – 25 лет лагерей. Он отсидел только 6 лет, а потом умер Сталин, и отца реабилитировали. К его освобождению фольварок нам уже не принадлежал. Всё стало колхозным.

Несмотря на то, что землю нам урезали в четыре раза, налоги деньгами, продуктами, мясом, даже льном оставили прежними. Чтобы их выплатить, мы продали всё, что у нас было. Второй раз налог платить уже было нечем. Был суд. Отец уже сидел в тюрьме, связь с братом я потеряла, а сестра к тому моменту переехала жить и работать в Кобрин. Я оставалась единственной хозяйкой дома. Меня, как и отца, хотели арестовать, но затем судья дал мне трёхдневный срок, чтобы рассчитаться с долгами. Дом и землю мы с сестрой продали очень быстро и дёшево. После этого, оставив усадьбу, я переехала к ней в Кобрин.

В Кобрине в 1949 г. я и познакомилась с Григорием. Это произошло в автобусе. Наши кресла упирались спинками. Я оглянулась и увидела парня в форме. Он был молодой, но с седыми висками. Меня это потрясло.

Как мы оказались в Дрогичине? Муж пошёл получать участок земли. Кобринчину он знал очень плохо и выбрал участок рядом с тем местом, где жил мой отец, когда женился во второй раз (моя мать умерла в 1949 г.). Участок оказался неудачным. Его заливало водой. Нам пришлось его продать. Но тогда такой был закон, что если продаёшь участок, то в этом районе получить новый участок ты уже не можешь. Муж поехал в Дрогичин, здесь как участнику войны ему дали квартиру и предложили работу в музыкальной школе. Я шила на дому. Вот так сложилась наша жизнь, пройдя через годы, через испытания...

Воспоминания записал и обработал
Олег Яскович

БЕЗДЕЖСКАЯ ХРОНИКА

События прошлого глазами Николая Волковича

Волкович Николай Лукич всю свою тяжёлую жизнь прожил в д. Бездеж. У него не было детства - его отняла война. Коля мечтал учиться, но внезапно начавшаяся война изменила жизнь его и его семьи. Он чудом остался жив. Видимо, суждено было выжить и выстоять в испытаниях. Ангел-хранитель сберёг ему жизнь, чтобы, дожив до 80-ти лет, он поведал нынешней молодёжи о том трудном времени, в котором прошло его детство и юность. И вот я в доме Волковичей на тихой, уютной в зелени улице Бездежа. Обменявшись приветствиями, мы вместе с фотографом-любителем Иваном Леончиком начали запись интервью у хозяина дома. Далее Вашему вниманию представлены воспоминания самого Николая Лукича.

Я помню только отца, маму и бабушку. Дедушку почти не помню, так как он умер вскоре после моего рождения, когда мне было около 2-х лет.

Тяжёлое было время. В семье отца был я и четыре мои сестрички. Одна сестра перед войной умерла.

Долгими зимними вечерами я с бабушкой грелся на печи. Забравшись к ней, я гладил её седые волосы и ласково просил рассказать сказку. Бабушка любила рассказывать сказки и петь народные песни, поэтому мне не отказывала. Слушая сказки, я засыпал и погружался в сказочный мир, о котором только что услышал. По словам бабушки, во сне я часто разговаривал, как будто становился одним из персонажей её сказок.

Наша семья трудилась при Польше на земле. Хозяйство было натуральным. Сами себя обеспечивали. Жить было относительно хорошо. Кто работал, тот голодным и раздетым не был. Люди жили по-разному. Считались богатыми те, кто имел две и более лошади и корову, а также много гектаров земли. Большинство жителей Бездежа были малоземельными, обрабатывали свой надел одной лошадкой. Встречались и те, кто вообще почти ничего не имел. Они бедствовали. В общем, жили скверно, кто как мог. Зимой с 1938-го на 1939-й я пошёл в подготовительный класс польской школы. Учителем и директором был Марец. Откуда он взялся, я не помню. За непослушание наказывали. Били по руке линейкой или палкой. Могли подвергнуть и ещё более жёсткому наказанию, поставить в угол на колени. В основном такому наказанию подвергали тех, кто уходил с уроков или тайно курил.

Школа была там, где сейчас музей. Рядом со школой был «Дом людювый». Где всегда собиралась молодёжь. Для неё организовывали различного рода увеселительные мероприятия. В этом же месте находилась и польская гмина.

Однако исторические события разворачивались очень быстро. В сентябре 1939 г. Польша пала в войне с Германией. Простой народ ждал перемен к лучшему. Пришли

первые советы и установили власть рабочих и крестьян. Поляков, осадников и тех, кто не сбежал в Польшу, вывезли в Сибирь, а оттуда они не вернулись.

Зима 1939-40-го годов была морозной и снежной. Рассказывали, что Советский Союз начал войну с Финляндией, и некоторых наших односельчан призвали на фронт. Жизнь налаживалась. Польские песни заменялись на русские, которые привезли с востока учителя и чиновники. Мой отец по-прежнему пахал и сеял. Но было беспокойно. Мой отец боялся, что в любой момент могут арестовать и его. Поэтому настроения у него не было.

Неожиданно грянула война. Установилась немецкая оккупационная власть. Создались по деревням постерунки полиции. Много молодых хлопцев пошло служить новой власти. В основном были полиция из Гутво, Дробот, Вавулич и Сороцней. Однако, некоторые из тех, кому предлагали идти в полицию, отказались и ушли в лес.

В гмине были все дела польской и советской власти и списки жителей, в т.ч. советских активистов. Они оказались в руках новой власти. Поэтому и разместили в гмине постерунок.

Вокруг постерунка, который находился в здании бывшей гмины, построили укрепления. Для этого у людей разобрали несколько сараев. Из брёвен соорудили двойную стену. Между стенами насыпали слой земли. В стене сделали амбразуры для стрельбы из пулемётов и ворота для заезда на охраняемую территорию телег и машин.

Гарнизон Бездежской полиции был небольшой – всего где-то человек 20. Я это знаю, потому что считал велосипеды, которые немцы привезли каждому полицая.

Полиция рьяно с первых дней начала работать на немцев. Их интересовала информация о тех, кто прятал оружие, бежавших из плена красноармейцах и из гетто евреев.

Иногда доносы приводили к расстрелу людей или заключению в тюрьму.

В конце 1942 г. некоторые молодые хлопцы ушли в партизаны. Они также появлялись в деревне, но только по ночам. Старались отомстить тем, кто служит в полиции. Были случаи расстрела их семей. Претензия была одна: «Почему сын ушёл в полицию, а не в партизаны?». Было так: днём в деревне немцы, а ночью партизаны. Простые люди боялись ночных гостей, так как под видом партизан часто были просто бандиты или переодетые полиция.

Однажды к нам пришли партизаны. И сказали отцу, чтобы отдал хромовые сапоги. Он по воскрес-

еньям ходил в них в церковь. Это видел наш сосед. Он и навёл партизан.

Придя из церкви, отец прятал сапоги в тайнике под полом.

Ночью пришли двое. И потребовали, чтобы отец отдал сапоги. Он сказал, что нет у него сапог, что их уже забрали. Но партизаны не поверили. Начали издеваться и пинать отца. Тот не отдавал. Тогда старший по званию из пришедших толкнул его к двери и поставил возле ухака. Всё это мы видели. Достает пистолет и говорит: «Жизнь или сапоги!». Раздаётся выстрел. Мы заплакали. Отец побледнел, но остался стоять на ногах. Не отдавал своё богатство. Заматюкнувшись, партизан ещё раз выстрелил и они ушли не получив желаемое.

Какое-то время при немцах в деревне работал магазин. Рассчитывались за покупки оккупационными марками. Хлеб пекли дома, покупали соль, мыло, керосин и др.

Хуже всех было в оккупацию евреям. Я помню их лавки в Хомске, так как с отцом часто ездили туда на базар. Мне запомнился один еврей, который собирал вторсырьё. Ездил по деревне на телеге и кричал: «Бабы, бабы несите онучи, тряпье...» Он взвешивал всё это и давал нитки, иголки и мыло, в зависимости от веса.

Лавки в Хомске были полны товара. Евреи могли дать и в долг или поменять на продукты сельского хозяйства.

В войну до 1943 г. работала школа. Я две зимы туда ходил. Учиться хотелось, несмотря на войну. Приду со школы, брошу книги и в поле к отцу пахать. Мать говорила «Учись грамоте, но не забывай, что нужно пахать землю».

Тогда в нашей школе учительствовали молодые девчата, а директором был поляк. При отступлении немцев они уехали в Польшу.

Помню, как разгромили партизаны постерунок. Это произошло ночью летом 1943 г. К этому времени мой отец был связным партизанского отряда. Вечером накануне приезжает отец с партизанами. Мать открывает двери и выпускает их в хату. Быстро накрывает стол и ставит выпивку. Я был на печке и всё это хорошо видел. Слышал, как партизаны уточняли план действий.

По их плану часовой, который заступит в 4.00 их человек. Он пропустит партизан к постеруноку. Партизаны забросают окна гранатами и побьют полицаяев. Так оно и получилось. Рано утром я побежал посмотреть, что там. Всё сгорело, остались лишь стены укрепления.

На следующий день я пас коров. В поле со мной были ещё хлопцы. Каждый пас своих коров недалеко от деревни.

Ближе к обеду в Бездеж неожиданно въехала колонна немцев на машинах и мотоциклах. Деревню оцепили кольцом. Я видел всё, что происходило со стороны Суличево (деревня рядом с Бездежом).

Увидев, что происходит, я говорю своему другу: «Миша! Утыкай-мо, бо немцэ и нас побьют.» Мы, не теряя времени, начали гнать коров в лес. Увидев, что мы гоним коров в сторону леса, из оцепления раздались выстрелы. Мы упали на землю. Выстрелы прекратились и снова мы побежали за коровами к лесу. Нас было трое – я, Миша и Павлик. Возле Суличево решили разбежаться. Опять послышалась стрельба. Пригнувшись, мы продолжали бежать. Бежали до тех пор, пока не слышны были выстрелы. Услышав их, падали, затем снова бежали. Отбежав на безопасное расстояние, мы с Мишей остановились. Оглянулись, а Пашки нет. Он лежал в траве, застреленный немцем.

В это время в деревне немцы сигналы всех людей на то место, где сейчас хозмаг. Там с польских времён была сцена. У сцены стояла немецкая машина с рупором. Немецкий офицер через переводчика сообщал людям, что в деревне партизаны. Ночью разгромили постерунок и убили полицейских. Люди пытались убедить немцев, что в деревне нет партизан. Но это на офицера не действовало. Он был намерен наказать деревню. Неожиданно из церкви вышел старый батюшка по фамилии Котлубовский. Три поколения Кодлубовских жили в Бездеже. У них было много земли, скота и даже на сезон нанимали работников. Батюшка поднялся на сцену и стал обращаться к немцам и просить, чтобы они не расстреливали людей и не жгли Бездеж. Он заявил: «У нас нет партизан. За людей я могу поручиться!» Выступление батюшки повлияло на офицера. Они начали между собой ругаться. Увидев это, командир дал команду снять охрану и строить колону. Вскоре колонна скрылась в направлении Хомска.

Трагедия этого дня только начиналась. Не доезжая Заточья по колонне с болота начали стрелять «споровци» (партизаны). (Среди партизан таких было много. Они не воевали, а только забирали свиней, курей, одежду и полотно. У многих из них даже оружия не было. Зайдя в дом, требовали отдать то, что им было нужно. Угрожали расправой, если хозяин не отдаст.)

После выстрелов деревушка была оцеплена немцами. Наконец-то они нашли «партзан». Судьба жителей была решена. Убивали всех, кто попался под руку. В деревне

Заточье жили родственники моей матери: отец, мать и брат.

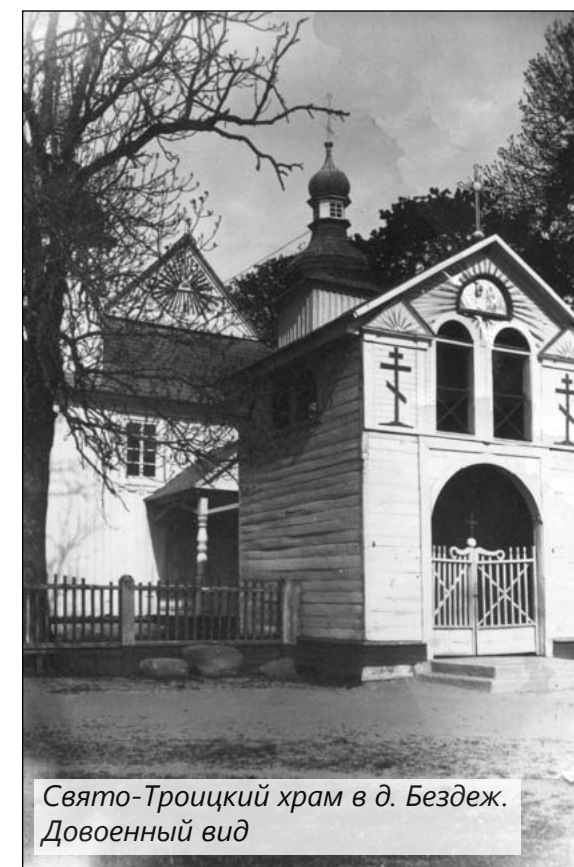
Расправа была страшной. Одних стреляли, других кололи штыками. В семье моего крестного было трое детей. Его жена, увидев немцев, с грудным ребёнком на руках и двумя малолетними кинулась бежать из хаты. Двоих детей положила в кусты конопля и заткнула им рот тряпками. А маленького ребёнка положила за колодец. Хотела и его забрать в кусты, но не успела. Немцы зажгли дом, сарай и нашли за колодцем ребёнка.

Привели пойманного дедушку и живым втокнули в горящий сарай. После этого ребёнка проткнули штыком и бросили туда же. Всё это видела жена моего крестного. Она своим телом закрыла двух детей и еле сдержалась, чтобы не зарыдать. Вскоре расправа закончилась. Немцы колонной поехали дальше, на Хомск.

Жизнь в войну была опасной и тяжёлой. Мой отец в конце 1943 г. был в отряде им. Суворова. У нас дома были то партизаны, то немцы. Помню, однажды, после налёта немецких самолётов на Бездеж, к нам в дом приехали немцы на лошадах. Коней поставили в сарай. Носил воду и поил им коней. Немцам это нравилось. Один немец мне за помощь давал конфеты, а другой сигареты. Тот, что давал конфеты, ругал того, который давал сигареты. Потом подходил ко мне, забирал сигареты и ещё мог потянуть за ухо. В нашей хате лежало немецкое оружие, продовольствие и снаряжение. В хату я лазил через окно и смотрел их оружие. Мне было интересно. Думал что-нибудь украсть, но не решился, понимал: украденное будет искать и виновными сделают нас. Немцы, как правило, были у нас день-два.

Ночью, после того как немцы уходили, приходил отец с партизанами. Подходит к матери и говорит: «Уходим утром в Героды под реку». Ещё затемно наша семья на телеге двинулась в сторону Кокорицы. Днём был налёт немецкой авиации на деревню. Даже в звонницу церкви попала бомба. Бездеж горел.

По дороге в Кокорицу нашу и партизанскую повозку заметил летчик и началась стрельба из пулемётов, но в нас не попали: скоро мы скрылись в кустах. Скорая оторвалась от воста и сбежала домой в деревню. Мадьяры поймали нашу корову во дворе и быстро её зарезали. Нам оставили только лапы и голову.

Свято-Троицкий храм в д. Бездеж. Довоенный вид

Этой ночью в деревню снова пришли партизаны. Сожгли школу. Но немцам и мадьярам школа была не нужна, они жили по хатам.

Так наша семья стала партизанской. Мы жили на одном хуторе в Геродах. Отец появлялся редко. Приближалось освобождение от оккупантов. После партизан он ушёл на фронт. Служил в пехоте. Погиб в бою, под Варшавой 4 сентября 1944 г. Матери пришла похоронка на отца. Так мы остались сиротами. Я был единственным в семье мужчиной. Вся мужская работа легла на мои юношеские плечи.

По лесам и хуторам пряталось много бандитов. В феврале 1945 г. недалеко от озера, который погубил Роман Боричевский, Иван Янущик и Титик из Перкович. Одного сотрудника МГБ убили в «Доме людювом».

Колхоз в Бездеже начал организовываться в 1949 г., появился председатель и бригадир. В 1950-м году мы вступили в колхоз. У нас забрали коня и весь инвентарь. Сарай разобрали и перевезли на колхозный двор и из него сделали амбар.

Жить было очень трудно. Большие налоги и обязательства по поставкам душили людей. Зарплату в колхозе не платили.

Я работал в колхозе. Возил лошадей навоз. Пахал и сеял вручную. Зимой цепом молотили на токах зерно.

Людей отселяли из хуторов в деревню. Части Бездежа назывались Старое Село и Суличево.

Только в 1965 г. за работу в колхозе начали платить деньги. В общем, жизнь была сложная и тяжёлая. Да и сейчас пенсия небольшая.

Директор военно-исторического музея Сергей Граник

Воспоминания Котчик Марии

Моя фамилия Кандерская, а девичья Котчик, а родилась в сентябре 1917 г. в Бездеже. Батьку в беженцы не поехал. Войну прожили дома.

Мой отец Котчик Юлиан Григорьевич жил в Заставье. У него было 4 сына и я.

При Польше мы трудились на земле. У нас было поле и мы его «горалэ, потом сиялэ и госынню жалэ. Мололэ жыто и хлиб пкылэ. Було тежко, но ны голодалэ».

Когда подходил возраст, то дети шли в школу. Первое время посещение детьми школы было добровольным, но затем польская власть требовала, чтобы грамоте учились все. Поначалу в школу ходили только хлопцы. По этому поводу матери говорили так: «Дывчет в армию ны забируть, и йим ны трэба пысатэ письма до хатэ. Хай жывутэ вдома».

В школу я не ходила, а помогала матери прясти. Потом пошла в школу и две зимы училась. Научилась только читать и писать. Но теперь всё забыла и не грамотна. Прочитать слова не могу.

Хорошо помню, как началась война немцев с Польшей. Люди не знали, что будет и что делать. Многих наших односельчан мобилизовали в Войско Польское. С войны одни вернулись, а другие нет.

Наши люди ждали приближение Красной Армии. В Бездеже и Заставье строили браны, украшали их лозунгами и красными флагами.

Скоро вместо польских флагов и белого орла вывесили в Бездеже и Заставье красные флаги. Власть сменилась.

Через некоторое время началась новая война. На нас немец обрушился. В войну наша семья жила в Заставье. «Було всэ. Власть булла нымэцька, совэцька та партызаньска. Тогда быдовалэ. Була война, була партизаншчына, була быда. Добрэ, шо нашэ сыло ны згорыло в войну. Людэ хавалыся од усих – и од нимцув и од партизан».

После войны появились колхозы, но я уже не помню, кто этот колхоз создал. В колхозах люди жили плохо – «быдовалэ». Забрали у нас в колхоз все: коня, воз, плуг, Борону, коровов оставили. Ходили пешком на болото сено заготавливать. Каждому колхознику намеряли дялку. Она была несколько гектаров. Нужно было заготовить и сдать колхозу 6 тон сена. С болота его носили на сухое место вручную. Тяжко было. Комары, овода донимали.

«Была быда в колхозэ». В некоторые зимы нечем было кормить скотину в колхозе и свою. Люди резали коров не только из-за того, что не было возможности их кормить, сколько от того, что душили налогами. Скотину по-дешёвке продавали. Осталась она лишь у тех, кто смог её прокормить».

Жито жали вручную серпами. Норма на день была установлена бригадиром. Если не выполнил, то трудовень не защитывался.

На пенсию пошла в 55 лет. Это был 1972 г. Сначала получила 16 рублей пенсии, затеем 40. «Пенсия была нишка. Усёго ны пырыпомытаиш».

Колонна на кладбище – это памятник погибшим в войну. Давно была эта война. Люди так казали.

Боричевского Романа убили в начале 1945 г. Он был в отряде «истребков». Они искали дезертиров, тех, кто не пошёл на фронт и прятался в лесу. Роман был войну партизаном. Я его добре помню. У него было три сестры: Оленька, Маня и Рая. Сейчас живая только одна сестра.

«Посля войны было невыдомояк. Добрэ, ек був хлиб. У многих и хлиба ны було. У нас був хлиб. Бо у моёго батька було полэ и було кому ёго оброблетэ. Топиро трэба молэтысь Богу и благодарэты, шчо Господь дав этого Цара некого розумного и у нас тыпар хватае хлиба».

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник**

КОМАНДОР ПЕТРОВСКИЙ

Дрогичинщина является родиной многих интересных и известных людей. Наш музей собирает сведения о земляках, оказавшихся по воле судьбы вдали от родных мест. Иногда нам удаётся найти интересную информацию, документы и фотографии о тех, кто родился и вырос в наших краях. Совсем недавно фонды музея пополнили некоторые документы, рассказывающие о нашем земляке Вячеславе (Венциславе) Петровском, родившемся и выросшем в д. Гута Дрогичинского повета Полесского воеводства Польши.

Интересной является жизнь и судьба этого легендарно-го офицера Войска Польского.

Родился Венцислав Петровский в семье польского помещика (осадника). Его отцу правительство Польши за участие в «войне оборончей 1920 г.» выделило участок земли недалеко от деревни Гута.

Семья Петровских жила в достатке и всего достигала своим трудом. Их дети учились в Гиназиях Пинска и Варшавы.

Вот что мне о Петровских рассказала Нина Кузнецова, детство и

юность которой прошли в Гуте.

«Я хорошо помню их усадьбу, которая размещалась при въезде в деревню слева. Дом с колоннами был одноэтажный. Вокруг него раскинулся большой парк с несколькими прудами. На островки к альтанкам были перекинuty ажурные деревянные мостики. Деревенская молодёжь часто собиралась по праздникам и вечерам в парке. Там слушали музыку из патефона и танцевали на деревянных мостиках, перекинутых через пруды. Было весело и интересно».

С нами всегда были дети Петровских. Они нас угощали яблоками, печеньем и конфетами. Когда у людей случалась беда, то пан помогал. За доброе отношение к людям их в нашей деревне уважали.

Только вот в 1940 г. их репрессировали и вывезли на Алтай. Оттуда домой после войны уже никто из Петровских не вернулся. Я знаю, что Венцислав был женат на дочери Вячеслава Миховича из Дубровы. В 1939-40 гг. я их часто видела вместе. Они дружили».

Всё изменилось. Начался поиск врагов народа. Семью Петровских вместе с другими семьями польских осадников в принудительном порядке вывезли на Алтай, а имущество забрали в колхоз.

Так оказались Петровские в Алтайском крае. Прибывшим разрешили поселиться в одном из колхозов, который так и назывался – «Алтай». Там Венцислав стал трактористом. Об учёбе думать было некогда, нужно было кормить семью. Работали бесплатно, но на совесть, понимая, что за саботажем можно попасть в лагерь с более жёсткими условиями пребывания. Рядом с ними проживали и другие семьи из Дрогичинского повета. Жили дружно, помогая друг-другу.

Вскоре грянула Великая Отечественная война. Сначала поляков не брали на фронт. Однако в Сибири в начале 1942 г. началось формирование Польской Армии под командованием генерала Владислава Андерса. Из армии выделили дивизию для участия в войне на Советском фронте. В это время Венцислав Петровский попросился в военкомате, чтобы его направили на фронт. Так он оказался в Польской дивизии им. Тадеуша Костюшко, которой командовал полковник Зигмунт Берлинг. Его назначают телефонистом в роту связи при штабе. Дивизия была укомплектована не только поляками, но и католиками из Западной Беларуси и Украины.

Боевое крещение Венцислав получил 12-13 октября 1943 г. в бою за местечко Ленино, что на Могилёвщине. Так началась военная карьера нашего земляка. В составе Войска Польского он шёл тяжёлыми дорогами войны. Окончил школу командиров и получил звание поручика.

За мужество и героизм, проявленные в боях с фашистами Петровский был награждён советским орденом Отечественной войны 1 ст., и медалью «За отвагу».

После войны патриотически настроенный молодой офицер решил продолжить службу в армии и участвовать в строительстве новой Польши.

Служил на различных должно-

Венцислав Петровский (в коляске) во время учений

Адмирал Петровский

стях в боевых частях Войска Польского. К началу 50-х гг. Венцислав уже был командиром артиллерийской бригады. Ему присваивают звание «генерал бригады». Неожиданно в начале 1957 г. генерала Петровского вызывают в Министерство обороны и там предлагают новую должность, но уже на военном флоте. Он соглашается, т.к. к тому времени флот начал перевооружаться на новые типы боевых кораблей с более современным ракетно-артиллерийским вооружением, которое и ему интересно было освоить. Шло яростное противостояние сил НАТО и Варшавского Договора. Польша в этой борьбе играла немаловажную роль.

Петровского назначили на должность заместителя командующего флотом. Так он оказался с семьёй в Гданьске.

На флоте наш земляк прослужил 17 лет. Под его руководством происходила модернизация боевых кораблей, совершенствовались выучка экипажей, в том числе и подводных лодок.

В 1974 г. адмирал Петровский скоропостижно скончался. Хорошили его с воинскими почестями. В почётном карауле у гроба стояло всё высшее командование Военно-Морского флота Польши и высокопоставленные офицеры генерального штаба.

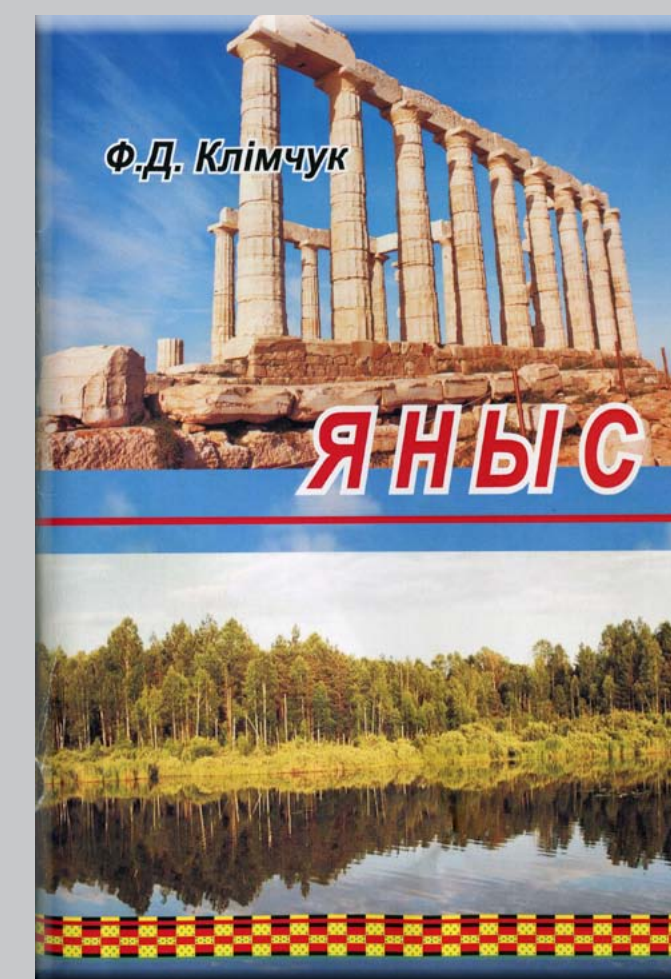
Польша высоко оценила заслуги нашего земляка. Он был удостоен

орденов «Золотой Крест офицера», «За верность Польше», Серебряного Креста «За заслуги» и многих медалей.

Недавно я побывал в том месте, где когда-то находилась усадьба Петровских. Сейчас там ферма СПК «Осовецкий». Лишь несколько полу заросших прудов и старых деревьев напоминают об усадьбе. Думаю, что командор Петровский останется не только в памяти поляков, но и своих земляков - Дрогичинцев.

**Директор военно-исторического музея
Сергей Граник
Фото из архива
Военно-исторического
музея им. Д.К. Удовикова**

ANONS! КНИЖКА ХВАДУРА КЛЫМЧУКА

Наш зымляк Хвадур Клымчук выдаў нову кніжку. На гэты раз світ убачыла його аповысьць «Яныс». Діло у тым, шо аўтор усі свої творы і кніжкэ пэшэ на матчыны мові, то ісьць мэстной гаворці. Працэваў аўтор над твором з пырырывамэ каля 40 рокіў.

Напычатана павысьць у 2013 роковэ і усёго кількісьцю ў 40 кніжок у мынского пычатніка А. Вараксына.

Тэкст напэсаны на дыялектовэ сыла Сімоновычы, дэ прайшло дытынство аўтора.

Кніга цікава, бо сповядае про лёс грэцкога хлопчыка якэй під час Пэршыі сусвітныі войнэ трапыў у нашы краі. Його спасла від хворобэ, голоду і лышэныі сым'я полешукіў.

У кніжці Хвадур Клымчук от стороннёго лыця опэсует эк нашэ людэ ратовалэ і выхоўвалэ малога грэка. Добэ показано жытьтэ простаі полескіі сымні.

Чытайтэ і ны забувайтэ рыдну матырыну мову.

Сыргій Гранік

Не ўсё яшчэ страчана!

Цікавы і незвычайны экспанат нядаўна знайшлі супрацоўнікі нашага музея ў закінутым доме вёскі Пярковічы. Калісьці гэта сядзіба належала дзеду Мікалая Зайца Рыгору. Мікалай Мікалаевіч і запрасіў нас агледзець хату свайго дзеда, бо ў хуткім часе яе разбяруць на дровы.

У каморы мы знайшлі дарожны куфар. Але гэтая рэч значна адрознівалася ад тых, што мы бачылі раней. Куфар быў больш падобны на вялізны чамадан, быў надзейна акаваны жалезам і абіты скурай. У ім адсутнічалі і невялікія колы знізу. З такімі сундукамі ў XIX ст. падарожнічалі мясцовыя багацеі. Магчыма, гэтая рэч дасталася Рыгору Зайцу падчас рабавання у 1939 г. маёмасці прафе-

сара Віславуха. Гаспадара сядзібы арыштавала НКУС, бібліятэку спалілі руплівыя барацьбіты з буржуазнай ідэалогіяй, а маёмасць разрабавалі мясцовыя актывісты КПЗБ. У хуткім часе ў самім панскім доме адкрылі дзіцячы прыют.

Па словах Мікалая Зайца, яго дзед працаваў у 1930-я гг. на мясцовага памешчыка Антонія Віславуха. Пасля пачатку Другой Сусветнай вайны стары прафесар адчуваў, да чаго прывядзе змена улады, і дазволіў тым, хто ў яго працаваў, узяць некаторую маёмасць. Думаў, што такім чынам удалася штосці захаваць. Так, у хаце Рыгору Зайца апынуліся панскія рэчы, сярод якіх і сундук.

Навуковы супрацоўнік ваенна-гістарычнага музея
Алег Ясковіч
Фота Янкі Лявончыка

АРТЕФАКТЫ ВОЙНЫ

Найлены они были в ходе экспедиции в одном из брошенных домов д. Кремно. Ящики с хорошо сохранившимися надписями оказались в наших краях во время Великой Отечественной войны.

На одном из них видны ярлыки с надписями на немецком языке «Гранаты – 5 шт. март 1944 г.». На втором ящике, на польском языке надпись «Варшава. Фабрика проволоки и гвоздей».

Эти вещи использовались немцами для создания заграждений и оборонительных сооружений. Ведь без проволоки и гвоздей армия обойтись не могла.

Сохранность артефактов хорошая и они пополнили фонды нашего музея.

Директор военно-исторического музея
Сергей Граник
Фото Ивана Леончика

ПО СЛЕДАМ ПРЕДКОВ

Недавно фонды нашего Военно-исторического музея им. Удовикова пополнились необычными предметами быта наших далёких предков. На этот раз из экспедиции в д. Заклетенье были привезены костяные скребки. Сделаны они были из кости домашних животных и использовались хозяевами для выделки шкур.

При осмотре предметов хорошо видна их шлифовка в ходе длительного использования. По всей видимости, они были найдены в земле и принесены в дом, где и лежали. Возраст предметов – около тысячи лет. Сохранились они хорошо. Так что нам повезло с неожиданной находкой артефактов.

Директор военно-исторического музея
Сергей Граник
Фото Ивана Леончика

Военно-исторический музей им. Д.К. Удовикова г. Дрогичина, клуб историков "Краевед".

Адрес редакции:

225612, Брестская обл., г.Дрогичин, ул. Ленина, 163. Тел.: 801644-3-14-22; e-mail: dwhm@tut.by

Газета издается на русском и белорусском языках.

Тираж 200 экземпляров.

Редакция ответственности за правильность изложенных фактов не несет и рукописи не возвращает.

Редколлегия:

Сергей Граник - главный редактор, директор Военно-исторического музея г. Дрогичина;

Олег Яскович - технический редактор;

Наталья Федосюк - главный хранитель фондов Военно-исторического музея г. Дрогичина;

Иван Леончик - фотограф;

Алеся Стасюк - методист Отдела идеологии, культуры и по делам молодёжи Дрогичинского райисполкома.

www.d-museum.by